

Таким образом, символ – это традиция, знак, код, шифр, тайна, загадка, которые необходимо разгадать, понять, постичь, а для этого требуется определённое количество информации, опыта, представлений о мире и природе вещей. Умея расшифровывать символ, человек приближается к знанию. Следовательно, символ – это инструмент познания мира.

Литература

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина; Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. М.: МГУ, 1997.
2. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2006.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова. М., 1990.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.

В.Д. Бондалетов

*Пензенский государственный
педагогический университет*

*Посвящается памяти моего друга
Дмитрия Ивановича Алексева*

АРГОТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО АРГО

Самое совершенное, что есть в природе, это мозг человека. Самое целесообразное его применение – использование для связи с другими людьми, т.е. в виде языка. Язык и мысль, помогая друг другу, совершенствовались в процессе выполнения как стандартных, так и новых для них коммуникативных задач (актов). А таких актов за многовековую историю совершено бесчисленное множество. Будучи чувствительнейшим социально-психическим инструментом, язык реагировал на поведение своего творца – человека и общество, на время и пространство своего обитания. Он не только фиксировал в словах и грамматических категориях окружающий мир (включая восприятие мира самим человеком), но и сформировал целые системы представлений о мире, которые в последнее время стали называть терминами «картина мира», «языковая картина мира». Конец XX века и текущее десятилетие XXI века, особенно с утверждением антропоцентризма (антропологической парадигмы) в качестве ведущей научной концепции и когнитивизма, в частности, когнитивной лингвистики, сосредоточившей внимание на операциях человека (его мозга!) со знаниями, превратили мировую лингвистику и большинство её национальных разновидно-

стей в обширнейшую лабораторию, занимающуюся описанием сотен, тысяч, десятков тысяч «изображений» картин мира – «национальных», «литературных», «нелитературных», «научных (концептуальных)», «наивных (народных)», «онимических (ономастических)», «топонимических», «диалектных» (территориально- и социальнодиалектных) и множества других. И всё это (описание отдельных концептосфер, разных по объёму, содержанию и структуре) пока делается преимущественно в плане *синхронии* (благодаря большей доступности исчерпывающего материала и надёжности методов его описания). Но возникает соблазн *сравнить отдельные концептосферы (и картины мира) как в пределах одного языка*, так и разных языков. И перед ним трудно устоять. Кстати, уже появились сопоставления русского и американского военного жаргонов (Захарчук 2007), концепта «человек» в жаргоне русских и французских студентов (Хомяков 2009). В этом плане вполне логичным и естественным будет изучение языковых картин мира и в *диахроническом* аспекте.

В свете предстоящих задач возрастает роль добротности привлекаемого материала и адекватности методов его анализа.

Ниже делается первая попытка описания картины мира на материале условных языков (арго) русских ремесленников и торговцев. Возникшие и функционировавшие в течение ряда столетий на базе основного и первичного для них родного русского языка в качестве средства тайноречия, аргы по-своему воплощают многие структурные признаки «большого» языка и уже поэтому интересны для науки. Они располагают определённым запасом «самодельных» слов (от нескольких сотен до двух тысяч в составе одного «диалекта» аргы), которые в сопоставлении с аналогичными общерусскими словами воспринимаются как вторичные, т.е. как *арготические неологизмы*. Именно это их качество (номинативная вторичность, избирательность в обозначении наиболее важных предметов и явлений, прозрачность морфемной и словообразовательной структур и грамматических категорий (как в экспериментальной фразе Л.В. Щербы «Глокая куздра...»)) делает их привлекательными и особенно ценными для общелингвистической теории (подробнее об этом см.: [Бондалетов 1966, 2003, 2004, 2005]).

Лексико-понятийная система аргы параллельна общенародной, но это особый, конспиративный (не понятный для непосвященных) ряд слов, включающий обозначения не первых попавшихся на глаза реалий, а наиболее актуальных для носителей аргы предметов и понятий их повседневной жизни. По тематическому составу этих «странных» слов можно узнать, что

зашифровке. Слова-арготизмы, будучи знаками значений, образуют своеобразную систему со своими семантическими и словообразовательными связями. Нам известно не менее 70 арготических систем (микросистем), функционировавших на фонетической и грамматической основе русского языка. Их описание началось с последней четверти XVIII в. (Паллас 1787),

□ в первую

продолжилось в XIX в. (Успенский 1822, 1828, Срезневский 1839, Пискарев 1857, Семевский 1864, Голышев 1874, Тиханов 1895, Добровольский 1897, Усов 1898, Чернышев 1898) и в начале XX века (Смирнов 1902, Виноградов 1915, 1918), а затем после тридцатилетнего перерыва возобновилось в середине XX в. (Котков 1949), а с 1953 г. приобрело регулярный и целенаправленный характер в работе автора этих строк (См. Библиографию научных работ профессора В.Д. Бондалетова [Наше слово: 319-379]). Из других публикаций свежий материал содержат статьи Д.И. Алексева [Алексеев 1961, 1965, 2009] и А.В. Громова [Громов 2000].

К тайноречию обращались обычно социально-профессиональные группы, членам которых приходилось общаться между собой в присутствии посторонних – в основном это торговцы (коробейники, «офени») и ремесленники-отходники (шерстобиты, валяльщики валенок, портные, жестянщики, плотники, печники, шорники). Представление о картине мира носителей русских условных языков даёт их лексика. Как отмечено выше, арготическая система (микросистема) может содержать в среднем от нескольких сот до двух тысяч слов. Заинтересованный читатель имеет возможность познакомиться с лексикографическими представлениями «картин мира» («картин жизни») по нашим публикациям (с 1965 по 2009 г.) важнейших «диалектов» русских арго – офенского языка вязниковских офеней Владимирской обл. (по записям экспедиции 1961 г.), масо вского языка пензенских портных (записи 1956-1967 гг.), матра йского языка замасских ремесленников Горьковской обл. (экспедиция 1961 г.), «по-на 2009 г.), арго в пензенских цлова дьбинских портных разн овфлекс-ерм зенской обл., арго свечкоделов Шемыше на Пензенской обл., офенского языка карсу ртнских Ульяновской обл., портных и сапожников Калужской обл., пога рских одо евских торговцев и нищих Пи на Горьковской обл., ремесленников-отходников Ю евского и Юр Ивановской обл. Нами переобследован «биля на Кий язык» ст релии, получены и опубликованы новые сведения с Алтая, с Приангарья, составлена карта «Распространение условно-профессиональных языков в прошлом и (в обводке) теперь» с показом профессиональной принадлежности носителей арго (ремесленники, торговцы, нищие).

При обследовании были использованы «Краткая программа для собирания сведений об условных языках: Методические указания для участников диалектологических экспедиций» [Бондалетов 1963] и более развёрнутые программы-вопросники, ориентированные на получение максимально полных сведений о словарном составе каждого исследуемого арго. Тематика вопросов была подсказана публикациями XIX и начала XX века, а также новыми материалами. Так, «Краткая программа», кроме 16 пунк-

тов «Предварительных сведений» (о селе, его населении, основной трудовой деятельности, о ремёслах, отходничестве, условном языке, его происхождении и др.), содержала разделы: 1. Явления и предметы природы. 2. Человек. 3. Пища, продукты питания, напитки. 4. Одежда, обувь, 5. Жилище, утварь, орудия. 6. Животные. 7. Растения. 8. Действия, состояния. 9. Признаки, свойства, обстоятельства. 10. Числительные, меры веса и объёма, деньги. 11. Ремесло.

При типологическом, материальном и функциональном сходстве всех русских условных языков (арго), каждый из диалектов (вариантов) уникален; он обладает своим набором слов (словозначений!), своими внутрисистемными семантическими и словообразовательными связями. Каждый территориальный (и профессиональный) вариант арго рисует свою, в чём-то отличную от других, «картинку» мира. Например, язык торговцев Вязниковского района Владимирской обл. отличается от языка торговцев города Одоева Тульской обл., язык шерстобитов-жгонов Костромской обл. отличен от языка валяльщиков валенок Пензенской обл. Различия между разными арго колеблются от 10 до 90 % их словаря, что показано в ряде наших публикаций [Наше слово 2009: 319-379].

Сейчас мы ставим перед собой более сложную задачу – показать, как *вся совокупность* известных нам арго ремесленников и торговцев отразила мир, который был перед глазами этих простых людей, конечно, никогда не думавших о ценности их «самодельных» языков для такой высокой и тонкой науки, как языкознание. Что говорить об офенях и шорниках?! Ценность этого материала, многими воспринимавшегося как «мусор», не была ясна и лингвистам.

Рамки статьи заставляют нас описывать *не всю картину мира* (иначе нам пришлось бы воспроизводить 20 тыс. слов), а ограничиться фрагментом – *человек и его язык*. Описывая его, сосредоточимся на тезисном изложении некоторых положений, дающих представление о ключевых деталях картины мира и языковых категориях, увиденных через «магический кристалл» русского арго.

С изданием «Русского семантического словаря» (далее РСС), систематизировавшего «по классам слов и значений» около 300 тысяч «словозначений» литературного языка, появился прекрасный фон для изучения самых разнообразных картин мира, включая и социальнодиалектные и, в частности, арготическую картину мира, воплощенную в русских арго с конца 18 в. по настоящее время. Для удобства сопоставления принимаем концепцию и терминологию «Русского семантического словаря», многоступенчатость его группировок и рубрикации, поскольку только словарь данного типа, отражая «естественное состояние языка» [Шведова 2002: X и след.], более, чем идеографические и обычные толковые, отвечает поставленной нами цели. Для нас рубрики и словозначения РСС – это своего рода *матрицы*, которые заполняются (а в многократном большинстве – и это по-

гда-то, где-нибудь, куда-нибудь, откуда-то, затем, неоткуда, почему-либо, всяко, по-всякому, по-другому, вот и др. Наблюдения над живым употреблением аргю показывают, что перед нами речь преимущественно нейтральная, т. е. разговорного и разговорно-просторечного характера. Что касается отсутствия арготизмов к таким важным понятиям, как «никто», «почему-либо», «всяко» (по-всякому) и т.п., допускаем, что часть из них просто не была зафиксирована собирателями.

2. Слова именующие. Этот раздел самый значительный, он включает в себя имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы и глаголы. Все эти категории представлены и в аргю. Первый лексико-грамматический класс (макрокласс) – имена *существительные* («слова, именующие предмет: всё живое, вещь, явление») в аргю является самым обширным (46 % всего его лексического фонда) и разнообразным. В принципе он повторяет главные лексические классы общенародного литературного языка: слова, именующие всё живое, вещь (напр.: ло человек, збра брат, лова конь, лошадь, трубёха – корова, брудно брудьё – дерево, ки яблоко). висля к

Группа лексических классов «Названия лиц и животных», как и в литературном языке и народных говорах, в аргю представлена: 1) названиями лиц, 2) животных, 3) названиями, общими для лиц и животных, 4) названиями тела (организма), его частей, продуктов жизнедеятельности.

Лексический класс «названия лиц» конкретизируется и воплощается в трёх разновидностях слов: 1) «человек, люди», 2) «мифические существа» (ангел, бес), 3) субъект, приравненный к человеку (гарант, отправитель, получатель и т. п.). Все три разновидности имеют арготические аналоги, хотя третья чаще всего «замещается» конкретными словами типа «продавец» (пуле ц), «покупщик» (куня опуля тник).

В разбиении «человек, люди» в литературном языке имеются подгруппа общих обозначений человека: гражданин, индивид, лицо, личность, особа, персона и под. Носители аргю во всех ситуациях обходятся одним обозначением – «человек», правда, представленном во всей совокупности аргю почти 20 лексическими единицами: дуль слб⁴, злеп Сем, котюр⁵ Е, Крп, Св, Олс3, кулове к Д, кун на Д, ма зКис м век тер

гор, Д, К, ков, Л, НЯ, скр, Срез, Т3, Тхн, У2, Ч, лоши
шем1, ма
мушло
слов, в особенности слова лох, – десяток областей Европейской части России).

⁴ Список сокращений «диалектов» аргю и источников дан в нашей книге: В.И. Даль и тайные языки в России. М., 2004, 2005.

⁵ Знак ударения не ставится, если он не проставлен в соответствующем источнике.

Как видно по РСС, литературный язык богат названиями лиц по отношению к расе, национальности, а также к территории, месту жительства, местонахождению. В арго из перечня слов-позиций РСС представлены только *названия народов* (этнонимы) – армянин (кульма еврей, еврейка, немец, китайка, поляк, русский, мордвин, мордовка, татарин, татарка, цыган, цыганка, цыганёнок – всего 14 денотатов, а в литературном языке их 24 (за счёт более редких российских и иностранных этносов: англичане, белорусы, вотяки (удмурты), черемисы (марийцы), остяки (ханты), казахи, украинцы, латыши, греки, зыряне (коми), итальянцы, чувашаи, эрзя, мокша, якуты).

Наиболее многочисленны обозначения представителей еврейской, цыганской, татарской и мордовской национальностей. Для них имеются даже женские варианты названий: ёлса Дв, ке рбуска к
ске еврейка, фирме рка абл
мехта арка пуч ш татаркен, шита

Особенно полно представлены названия-обозначения *родства, свойства, породнения, дружеских и любовных отношений*. Наиболее полные лексические (в том числе и синонимические) ряды у обозначений «жены» – 38 (елту ха гажа

то ка, науби ту рь, куба
кува ха ку
ло уха, масу ң рупа
сба ха (хвон) ша, ба ң
муре пр.), «мамери» – 32 (башка ня хрети
коршу ха мамы
лишь 1 слово: ма 30 (абра), «брата» м, збрамы
ды збранно 30 (бисрам), «товарища»
збран, збранды ауга ко тю р л т, маҫ ш
«сестры» – 18 (браи мша бь
миндра, яндруска и др.), «сына» – 14 (ко а- терь, ла
щё ноқ, пың с

вы» – 7, «деда» – 9, «дочери» – 12, «зятя» – 6, «женатого человека» – 17, «мужа» – 10, «невесты» – 10; скромно (1-4 слова) представлены: бабушка, золовка, вдовец, дитя, дочка, жених, кум, кума, подкидыш, подруга, родня, свекровь, тесть, тётка, тёща. Об уважительном отношении к пожилым людям свидетельствует «многословность» для обозначения старика – 46 слов

(гиря қ, корша
куба 42 слова (бирмурет керя яри
дери ха дир ха ируха н

3. Обозначения человека по профессии, роду занятий (См. схему 24-26 и др. «Русского семантического словаря») в литературном языке достигают десятка тысяч. В арго представлены лишь самые ходовые профессии, касающиеся административной, хозяйственно-экономической, бытовой,

культурной, образовательной, медицинской, религиозной сфер. Ограничимся лишь перечнем наиболее значимых для арготирующих профессий, занятий: музыкант – 5 слов, писарь – 15, учитель – 13, учительница – 5, торговец – 14, торговка – 3, старшина – 8, староста – 20, старостиха – 5, солдат – 43, солдатка – 23, сапожник – 26, работник – 19, работница 11, портной – 42, плотник – 11, пастух – 11, мясник – 11, начальник – 17, милиционер – 9, мельник – 15; другие обозначения представлены скромнее (обычно по 1-5 названий): буфетчик, вожак, гармонист, грамотей, знаток, игрок, кабачник, плясун, судья, старовер, слуга, служанка, собачник, сиделка, секретарь, сборщик, разносчик, приказчик, постоялец, певец, паяльщик, офицер, объездчик, нижний полицейский чин, навозник, наёмщик, матрос, лавочник, лакей, красильщик, извозчик, игольщик, доносчик, дворник, богомолец, артельщик, архиерей (всего около 90 денотатов). Чаще других и почти повсеместно отмечено обозначение «попа» (31 слово) и «священника» (27).

В сегменте «человек по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» очень широко представлены арготизмы со значением: баба – 28 слов, девка – 58 слов, девочка – 39, девушка – 51, девица – 10, девчонка – 8, жена – 38, женщина – 58, мальчик – 41, мужик – 33, мужчина – 27, парень – 47, ребёнок – 36, старик – 43; среднюю степень представленности имеют: дед – 5, мальчишка – 5, ребята – 8; изредка употреблялись (по 1-4 слова): бабёнка, бабка, бабушка, детёныш, дитя, жёнушка, мужичок, мужичо нка мужичьё, паренёк, парнишка, ребятишки, старец, старикашка, тётка, юноша.

В арготизмах носителями которого были исключительно мужчины, немало слов женской (и детской) семантики. Впрочем, гендерный аспект интересен во всех социальных диалектах и заслуживает специального рассмотрения.

В рубрике-матрице «по состоянию здоровья, по отношению к жизни и смерти» арготизмами занято 23 позиции, на первом месте оказалось значение «больной», на него зафиксировано 22 слова (бия щий скр
ля щий скр
пен, нисколдённый шем, охаме лый слб
пуч, скурлё ный вяз с
лё щий об шкий меш, хому лый Дб
ло ш ем, хильпа лый Дб
Б, вал, рыз, Тхн, хулы ный (без вер) идеёт «сле
ша злый безверша рный бе
безмихорный, безмихо бушый ллица без пный д
каля виный безулёп ный невяку
но 1), (енное «одноглазый» рбош ный, ённ реш ный
енногла зый (древ) 3, «убитый» – 7;

другие словозначения в основном единичны: дурной, неумный, одорукий, одноногий, рябой, сумасшедший, утопленник, вшивый.

Есть «зашифровки» человека по его внешним признакам: толстый – 20 (вячу жный гал, зи стый кр нный ло мный жий тол, безносый, безбрюхий, безбородый и др. Видимо, самым осуждаемым недостатком человека носители арго считали его полноту (ожирение).

Осуждение, неодобрение, неприятие каких-то черт, хула и брань в арго представлены словозначениями: «чёрт» – 18 (дидка, дробе жный ё, калы ве(бусй) карс куле, бусови қ бусы, рю ха(басва) ала тный песн, лю басебро уража хале йб яжима, (сму лый хило вый и др). ной тематической матрицы арготизмами заполнены 43 ячейки.

В арго имеются, как и в народном языке, нейтральные слова-обращения, а также обращения с эмоциональной окраской, причём как положительной, так и отрицательной. Всего таких словозначений 25. Приведём примеры: барыня – 25 слов (каври ха каврын, па тебуа ка суймёха, (ки ревоң корья хо дикасударя – 2, барин – 31, ангел – 2, хозяин – 46, хозяйка 36, паренёк – 2, парни шка 4.

РСС в разделе «Названия тела, организма, их частей, продуктов жизнедеятельности» описывает около 2000 словарных единиц. Если вычесть названия, встречающиеся только у животных (хвост, копыто, зуб, крыло, лапа, морда, хобот и др.), то всё равно остаётся внушительный объём именований. В арго же представлено лишь самое важное, значимое, необходимое для общения – названия головы, конечностей, органов зрения, слуха, обоняния, части туловища, тела (грудь, живот). Так, в рубрике «Голова, лицо, органы чувств» арготические соответствия имелись к следующим предметам: глаз – 24 (ве б(бак)эхло, лава , буйну, губы – 11, лицо – 19, нос – 56, рот – 35, ухо – 16, язык – 35 (в разных значениях, включая и «средство общения»); в рубрике «Части туловища, тела»: бок – 3, брюхо (живот) – 32, бюст (женская грудь) – 9, горло – 1, грудь – 3, задница – 9, плечо – 1, пузо – 1, член 1, шея – 14; в рубрике «Волосистой, кожной, роговой покров»: борода – 38, волос – 13, кожа – 12, усы – 5.

4. Грамматические категории. Как отмечалось выше, в арго представлены все знаменательные части речи, а служебные (предлоги, союзы, частицы, междометия) отсутствуют. Разумеется, в речевых фразах на арго они используются, но не «свои», а общенародные (на остряке на лошади и т. п.). И этот факт показателен. Он лишний раз подчёркивает семантико-

функциональные различия между знаменательными «частями» и служебными «частицами» речи.

Имя существительное. Конечно, каждый вариант арго (арготическая микросистема) даёт свой процент представленности имен существительных и его лексико-грамматических разрядов. И это вполне естественно хотя бы потому, что арго функционирует на базе конкретного территориального диалекта русского языка (севернорусского, южнорусского, среднерусского, на основе просторечия). И всё же есть смысл привести самые общие (во многом предварительные) статистические данные о грамматике всей совокупности русских арго. Существительные составляют примерно 50% всей лексики (прилагательные – 6 %, числительные – 6 %, местоимения – 2 %, глаголы – 26 %, наречия – 6 %). Слова 1 склонения (а́сто на жена, ава ма́нь) – 44 %, 2 склонения (абы священник, клево́та ца́рь) – 51 %, 3 склонения (а со́бствы коро́ва) – 2 %. Слов конкретных – 81 %, отвлечённых – 4 %, вещественных – 10 %, собирательных – 5 %. Слова мужского рода составляют 53 %, женского – 43 %, среднего – 3 %. О глаголе и его категориях см. [Бондалетов 2004]. Анализ других частей речи и других фрагментов арготической картины мира – в последующих публикациях.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Краткая программа для собирания сведений об условных языках: Методические указания для участников диалектологических экспедиций. Науч. ред. доцент Д.И. Алексеев. Пенза, 1963.
2. Бондалетов В.Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1966.
3. Бондалетов В.Д. Социальные диалекты и общелингвистическая теория // Лексика и лексикография: сб. науч. трудов. Вып. 14. М., 2003. – С. 10-17.
4. Бондалетов В.Д. Глагол и его категории в русских арго // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: сборник научных трудов к 80-летию Е.С. Скобликовой. Самара, 2004. С. 117-123.
5. Бондалетов В.Д. В.И.Даль и тайные языки в России. 2-е изд. М., 2005.
6. Наше слово. К 80-летию профессора В.Д. Бондалетова. М., 2009. С. 319-379.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей редакцией академика Н.Ю. Шведовой. М., 2002.

Е.В. Супрунова

*Челябинский государственный
педагогический колледж №2*

ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА